

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Евгений Ройзман

Невыдуманные рассказы

Евгений Ройзман

Невыдуманные рассказы

«Автор»

2013

Ройзман Е. В.

Невыдуманные рассказы / Е. В. Ройзман — «Автор», 2013

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЁН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ РОЙЗМАНОМ ЕВГЕНИЕМ ВАДИМОВИЧЕМ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
РОЙЗМАНА ЕВГЕНИЯ ВАДИМОВИЧА Невыдуманные истории из жизни
Евгения Ройзмана: о его спортивных соревнованиях , сплавах по горным
рекам, музейных экспедициях, забавных случаях, об интересных и известных
людях и многом другом. Содержит нецензурную брань.

© Ройзман Е. В., 2013

© Автор, 2013

Евгений Ройзман

Невыдуманные рассказы

Мироново

Родина предков по линии матери — село Мироново на Реже. Русские там живут уже почти четыреста лет. Заходили с Русского Севера. Теснили вогулов, черемисов, башкир, закрепились. Жили хлебопашеством, охотой, рыбалкой, бортничеством. Крепостного права как такового не знали.

В 1662 году татарский хан Кучук собрал башкир, аятских вогулов, татар, местных черемисов, ногайцев и ударил на село Покровское. Село выжгли. Мужиков порубили. Старики, женщины и дети заперлись в церкви. Церковь сожгли. Двинулись на село Липино. Сожгли. Через Колмацкий брод пошли на Арамашевскую слободу.

Слобода стоит на высоком месте, на излучине Режа. Просматриваются вся округа и река вверх и вниз по течению. Крепость была серьезная. Сходу взять не получилось. Пограбили, пожгли окрестности. Кололи весь скот, кроме крупного рогатого и убивали всех, кроме девок и молодых баб. Откатились, ушли на Мурзинскую слободу. Бездарная фраза из донесения, найденная в архиве: «...Мурзинскую слободу всю пожгли...а Кондратий Хворов с людьми заперся на дворе и оружия у них — три лука...».

Разграбив Мурзинскую слободу, пошли с полоном на Колмацкий брод — уходить в степи. В это время подросло ополчение. Русские мужики из деревень Липино, Мироново, Гостьково и братия из Богоявленского монастыря, что близ Невьянской слободы. Сошлись в жестокой битве на полях за деревней Гостьково. Бились до темноты. С утра русские хоронили своих, восставшие — своих, друг другу не мешали. Битва больше не возобновлялась, восстание захлебнулось.

На расстоянии версты насыпали два кургана. Позднее русские над своим поставили большой каменный крест из розового гранита. Через некоторое время в память о погибших возвели небольшую часовню. Она простояла более двух с половиной веков. В 1938 году ее раскатали. Гранитный крест повалили и сбросили в лог. Курганы долго не распахивали: все местные знали, что это за курганы. Распахали позднее, в 80-х. Пацаны находили там кости и наконечники стрел. Местный тракторист зацепил гранитный крест стальным тросом, вытащил из лога и на тракторе приволок себе во двор. Велел, когда умрет, поставить ему на могилу. Умер. Крест поставили. Выкрасили веселой изумрудной краской. Он и сейчас там стоит на Гостьковском кладбище.

В Гостьково остался последний человек, который точно знает, где стояла часовня, где был крест и где был насыпан курган. Зовут его Василий Данилович, ему уж девятый десяток, а помнит все мелочи и подробности из детства, как будто у него компьютер в голове. Поехали с ним смотреть место бывшей часовни. Еле нашли холмик — всё распаханно. Ходили по пашне, мерили, обнаружили несколько камней от фундамента, убедились, что именно здесь нужно ставить вешки. Если бы мы не успели его расспросить, ни один человек на планете не сумел бы показать это место.

Потом выехали за Карпов лог, проездили всё поле, где была сама битва. До сих пор это место называется Побойще — ни холмика, ни бугорка... Стоим в полях. Вдруг видим: от Гостьковского кладбища летит древний черный ворон. Как-то странно летит. Могучая степенная

птица, а крыльями машет, как воробей. Не солидно как-то. А в клюве у него пирожок. И не пирожок даже, а полновесная кулебяка! Она тянет ворона к земле. Но он не сдается. Красоты полета, конечно, никакой. Аэродинамика так себе. Но кулебяку не отпускает. Борется из последних сил. И даже каркнуть не может. Перелетел через реку и пропал из виду. Василий Данилович уважительно заметил: «С кладбища стащил!»

Владыка спрашивает меня:

– Реши, когда поедem ставить крест?

Прикинув, ответил:

– Владыка, смогу 27-го сентября.

– Ты знаешь, что 27-го Воздвижение Креста?

Я вдруг вспомнил, что часовня, которая на этом месте стояла, была именно в честь Воздвижения Креста. Очень удивился:

– Представляете, я ведь случайно этот день назвал.

Владыка, мудрый, улыбнулся:

– В таких вещах случайностей не бывает.

Поставили большой крест на распаханном кургане в деревне Гостьково. Приехали священники, собрались местные жители, привезли Василия Даниловича. Помянули павших русских воинов...

Гора с плеч. Ощущение серьезного законченного дела. Тепло на душе. Еле-еле поймали ускользающие нити и восстановили связь времен. До конца не осознаю, что произошло. Возможно, это самое важное дело, которое удалось мне в жизни.

Автограф

В далеком 88-м году я встретился с Евтушенко. Встретился не где-нибудь, а в Омске. У него был авторский вечер. Полный зал народа: в проходах стояли. После выступления выстроилась очередь, человек сто пятьдесят, — подписывать книжки. У меня была с собой рукопись со своими стихами, и я в эту очередь зачем-то затесался. Выглядел, видимо, со своими листочками достаточно нелепо, потому что Евгений Александрович обратил на меня внимание и спросил:

– Это что у вас, стихи? Заходите.

И вежливо сказал ожидающим:

– Извините, мне надо поговорить с поэтом.

Он внимательно посмотрел небольшую подборку, на нескольких листах поставил плюсы, а на первом стихотворении размашисто написал: «Кириллу Ковальджи: дорогой Кирилл, горячо рекомендую тебе очень талантливого Женю Ройзмана...» Стихотворение было следующее.

В Империи развал. Шумят рабы.

Спартак в ударе. Просветлели лица.

Но чучело Вождя в плену томится,

А из провинций все текут гробы.

Окраины бурлят. Им отделиться

Хотелось бы. Кто в лес, кто по грибы,

Куда угодно. Лишь бы от судьбы.

А Император волен застрелиться.

Сенат прогнал. Лишь выправка да спесь.

Все скурвились. Пора срывать погоны.

Из Сирии выводят легионы.

Все правильно. Они нужнее здесь.

Империя, как тот презерватив,

Что пацаны всем скопом надували,

Вот-вот взорвется, матушка. Едва ли

Империю спасет инфинитив.

Что делать? Сам не знаю. Но держись.

И утешайся запрещенным средством.

Поэту не к лицу спастись бегством.

Но все же крикнуть хочется: «Ложись!»

У меня от счастья кружилась голова. К Ковальджи я так и не попал. Стихи в «Юность» взял у меня взял Натан Злотников, опубликовали их лет через пять. Рукопись с автографом Евтушенко куда-то пропала (я ее таскал и всем показывал), но доброе чувство благодарности меня не покидает. Всего-навсего отнесся по-человечески, а столько лет помню!

Может быть, еще и поэтому стараюсь помогать молодым поэтам.

Аванс

Пятнадцать лет назад у меня была «восьмерка», подготовленная. Как-то я перевернулся на ипподроме, сделал несколько оборотов и весь кузов замаял.

Машины мы делали у Женьки Кондабаева в Верх-Нейвинске. Он сам уже не гонялся, но с машинами всегда помогал. Так как кузов долго было выводить, он вмятины и заломы замазал мовилем, чтоб не заржавело. Так и ездил я на пятнистой машине, как жираф.

Новогодним вечером приехали мы с Андрюхой Урденко забирать машины.

Женька выкатил обе за проходную. Стоим, разговариваем. Холодно. Андрюха торопит меня:

– Поехали быстрее, поехали...

– Ты езжай, а я еще минут десять поговорю и тебя догоню у города.

Он остоленел от такой наглости. У него такая же полуторалитровая «восьмерка», и отыграть десять минут на семидесяти километрах немыслимо.

– Ты сам-то понял, что сказал?

– Давай, давай, езжай!

Посмотрел он на меня с сожалением и говорит Кондабаеву:

– Засекай!

Уехал. А я чувствую — погорячился.

– Может, через пять минут поедешь? — предложил Женька.

– Нет, все уже. Отступать некуда.

Пристегнулся. Женька дал отмашку. Я погнал. Просто страшно. Кто ездил по этой дороге, знает, о чем речь. Я на «БЛ» (была такая резина). После десяти градусов мороза, как на коньках. Снегу намело. В одном месте меня понесло на внешнюю обочину. Успел открутить колеса, переключиться. Ударило. Зацепил обочину, сугроб через капот пошел. А у «восьмерки» на скорости запаса по мощности нет — страшно. А куда денешься — только в этих ситуациях и отыгрывается. Остановиться уже не могу.

Перед длинным подъемом разогнался, вошел на ста шестидесяти (больше она у меня не ехала). Вдруг вижу: у обочины замигала аварийка. Мужик с бабой выходят на дорогу и руками машут. Попытался начать тормозить. Машина едет, как ехала. Я махнул рукой и снова было добавил газу, но что-то меня задело. Съехал в обочину (на «БЛ»-ке только так и тормозят). Попереключался, остановился метров через триста. Пока задним ходом до них доехал, шея затекла.

Все, никто уже никого не догнал. Расстроился. Вылезаю из машины. Стоит зеленый «Москвич», заиндевеливший, и мужик с бабой вокруг него приплясывают.

– Что случилось у вас? Новый год встречаете?

– Масло вот вытекло, до города не дотянули.

Открыл я багажник, дал им масло, помог завестись. Чего уж, все равно никуда не тороплюсь. До Нового года еще время есть.

– Что бы вы делали, если бы я не остановился?

– А мы знали, что вы остановитесь.

– Откуда?

– А перед вами парень проехал на синей «восьмерке». У него масла не было. Но он сказал, что следом вы поедете на пятнистой машине, остановитесь и дадите нам масло. Мы ему говорим: «А вдруг мимо проедет?» — «Нет, я его знаю, он точно остановится и точно вам даст масло».

Дальше я ехал уже спокойно и все пытался осознать происшедшее. Вот так мой товарищ отрезал мне все пути для отступления. Он просто выдал мне аванс, который я продолжаю обрабатывать до сих пор.

Светлой памяти Вити Махотина

Раб КПСС

Витя Махотин — уникальный человек. Говорить о нем можно бесконечно.

Сразу из детдома он попал в тюрьму. Отсидел ни много ни мало — шестнадцать лет. Изъездил этапами весь союз. Никогда и нигде не унывал. Сделал на лбу наколку «Раб КПСС». В Тагиле на больничке наколку варварски вырезали, на лбу остался шрам. В лагерях Витю все уважали и звали Репин. Кроме того, он вызывающе похож на Ленина.

Освободившись в тридцать лет, Витя получил первый в своей жизни паспорт. В графе «национальность» зачем-то написал еврей. Все удивлялись. Витя тоже.

Идти ему было некуда. Питался он в столовой на Химмаше. Брал два стакана чая и поднос с хлебом. Соль и горчица стояли на столе. Хлеб в те годы был бесплатным.

Родители давно умерли. У Вити остался только один родной человек — старенькая бабушка Вера. Бабушка Вера была замечательной старушкой. Витю очень любила. Когда Витя сидел, она писала ему добрые письма, посылала сало, махорку и шерстяные носки. Витя отсылал ей все заработанные в лагере деньги.

Витя всегда жил небогато. Прямо скажем, нуждался. Но каждый раз, когда у него появлялись деньги, он их раздавал людям, которым они были еще нужнее. Удивительно стойкое неприятие довольства и достатка. А про тех людей, которые слишком хорошо живут, бабушка Вера так и говорила: «Блинами жопу вытирают».

Витя приехал к бабушке Вере, поселился в маленьком домике. А еще в доме жили две собачки и три кошки. Как-то раз на Пасху бабушка Вера белила хатку. Собачки и кошки ютились на диване. Она их шугала, пытаясь выгнать на улицу. Хитрые звери перебежали с дивана на комод, с комода на подоконник, и никак не хотели идти на улицу. На что бабушка с укоризной им заметила: «Что, дурачки, на улице говны тают, а у вас

ноги мерзнут?!»

Витя очень любил свою бабушку и написал ее портрет. Портрет получился замечательный. Витя вставил его в киот и куда бы ни переезжал, везде возил его с собой. Эта картинка в начале 90-х годов висела в музее Свердлова на Карла Либкнехта, где работал Витя. Мое внимание на нее обратил Брусиловский. Показал на эту работу и сказал мне: «Все-таки Витя — очень сильный живописец!»

К тому времени у меня было уже много Витиных работ. У него лично я ни разу ничего не купил. Он мне всегда дарил. Доходило даже до скандала.

Когда Витя был директором выставки, у него висела замечательная картинка «Бабушкино кресло». В глубоком старом кресле дремлет величественная старуха, а сбоку тихонечко на цыпочках подкрался ее маленький рыжий внучек. Я эту картинку видел на фотографиях, она мне очень нравилась. Я знал, что она находится в частной коллекции, и это немало меня удручало.

Однажды на выставке я читал стихи при большом скоплении народа. Витя выпил водки и перевозбудился.

— Что я могу подарить тебе? — кричал он.

И тут я увидел на стене эту картинку.

— Витя! — начал я, холодея от собственной беспардонности.

— Все, она твоя!

Перевернув картинку, я увидел надпись: «Диме и Наташе Букаевым от Виктора».

– Как же так, Витя?

– А вот так! — ответил он и лихо приписал фломастером: «А также Евгению».

Как выяснилось потом, Витя выпросил эту картинку у хозяев на выставку под честное слово на три дня. Был скандал. Картинка осталась у меня.

Кстати, насчет кресла. Витя жил на Ирбитской, у него был день рожденья. Собрались все. Пришел Фил (Виктор Филимонов из консерватории) с какой-то девицей. Но жена его пришла еще раньше. Фил с девицей ввалились к Вите, ничего не подозревая. Был ужасный скандал и мордобой.

Жена победила. Фил с девицей убежали зализывать раны. Часа три-четыре умный Фил отсиживался в огородах, ожидая, когда жена уйдет. И снова они зашли поздравить Витю. Жена была там. Опять была драка. Соседи вызвали милицию. Милиция приехала через два часа, когда уже все разошлись. Менты вломились в квартиру и застали Витю в халате, сидящего в кресле.

– Поехали,— сказали они ему.

– С чего вдруг? — удивился Витя, который, как и все нормальные люди, ментов не любил и имел на это все основания.

– У вас тут был скандал,— заявили менты.

На что Витя резонно возразил:

– Надо было ехать, когда был скандал, а сейчас-то вы кому нужны?

– Вам придется пройти с нами!

– С места не встану,— сказал Витя и не встал.

В райотдел его доставили вместе с подлокотниками. Дали пятнадцать суток и увезли на Елизавет. Марина Браславская, Тамара Ивановна, Эмилия Марковна и Светка Абакумова возили ему передачи. Витю все любили.

Все эти годы портрет бабушки не выходил у меня из головы. Я не знал, с какой стороны зайти. Начал я очень деликатно:

– Витя, продай мне этот портрет.

Витя посмотрел на меня как на идиота:

– Ты сам-то понял, что сказал!? Ты мне предложил продать бабушку! Ты бы свою бабушку продал? Как у тебя язык повернулся?!

Витя побледнел. Я понял всю глубину своего падения и к этой теме больше не возвращался. Но портрет бабушки мне очень нравился. Я считаю, что это одна из лучших Витиных работ.

Через пару лет я забежал к Вите в музей. Сидит ошарашенный Костя Патрушев и держит в руках портрет бабушки Веры.

– Вот, у Вити купил. За сто двадцать рублей.

Я очень расстроился, посмотрел на Витю:

– Витя, как это могло случиться?

– Да, неловко как-то вышло, бабушку продал...

– Витя, а как ты теперь собираешься мне в глаза смотреть?

Витя очень смутился. Все замолчали. Мне было очень обидно. Вдруг Витя поднял указательный палец вверх.

– О! Я знаю, как исправить! Я сделал нехорошо, я продал Косте бабушку! Я виноват! — сказал он и бросился к сундучку.— Я все исправлю! Я продам тебе дедушку!

И торжественно вручил мне замечательный акварельный портрет дедушки Никиты. Портрет был хорош, но обида еще осталась.

– Нечестно, Витя, дедушка-то не родной.

– Вот чудак, кто ж тебе родного-то продаст?

Однажды нашего товарища Олега Пасуманского в начале 90-х годов жестоко избили омоновцы. Ни за что, просто так. Олег лежал в больнице у доктора Ваймана. Мы с Витей решили Олега навестить и утешить. Я заехал за Витей на Ирбитскую. Он только что закончил автопортрет, мастерски исполненный. Витя в тельняшке, похож на Ленина, на фоне Горсовета.

– Витя, продай картинку,— взмолился я.

– Забирай,— сказал Витя.

Я дал ему пятьсот рублей, забрал картинку и мы поехали навещать Олега. Уже в больнице Витя забеспокоился:

– Что ж мы, как индейцы какие, с пустыми-то руками. Так и опозориться недолго.

Зашли в палату. Олег, весь перебинтованный, увидел автопортрет и просветлел.

– Вот, Олег, это тебе от нас,— произнес я.

– Что значит от нас,— возмутился Витя,— ты-то тут при чем?

Почти все свои работы Витя мне дарил. Он также подарил мне две работы Валеры Гаврилова 70-х годов, несколько замечательных работ Лысякова, лучшую работу Вити Трифонова «Обком строится», несколько картинок Брусиловского, старые работы Валеры Дьяченко, одну картинку Языкова, Лаврова, Зинова, Гаева, да и не вспомнить всего.

Когда был написан этот рассказ, я приехал к Вите.

– Витя, прочитай, чтоб потом у нас с тобой разногласий не было.

– Ага, а при задержании — съешь.

Начал читать. Дошел до слов «отсидел шестнадцать лет». Возмутился.

– Скинь хоть немножко!

– Не могу, Витя, меньше — не прозвучит.

– Ладно, что теперь,— сказал Витя, взял фломастер и размашисто написал прямо по тексту рукописи: «И правда! И красиво!»

Сквозь огонь, воду и... колхоз

В 87-ом году я, учась в университете, поехал в колхоз. Университет работал в Красноуфимском районе на картошке. Девчонки, как обычно, в борозде, парни — на погрузке. Работали в полную силу, торопились хотя бы уже потому, что убирать картофан из-под снега — занятие уж совсем противное. Отряды были сводные: историки с биологами, журналисты с философами, математиками отдельно. А я был бригадиром грузчиков на станции Зюрья. Парни с разных факультетов, все после армии, здоровые и жизнерадостные — двадцать рыл. Я старше всех, и мне надо было все время смотреть, чтоб они не вырвались на волю. Зазевался — все, туши свет. Они искренне считали, что овца, отбившаяся от стада, считается дикой, что местным надо сразу объяснять, кто хозяева, ну и все такое, сами понимаете...

На Зюрью со всех окрестных полей приходили КамАЗы, УРАЛы и ЗИЛы, доверху груженные мешками с картошкой. Задача — максимально быстро перегрузить эти мешки в вагоны, чтобы машины снова ушли в поля грузиться. Работа каторжная. Никуда не спрячешься, от тебя зависит куча народа, а мы еще и соревновались между собой. Руководил весовой и всем погрузочным тупиком Тимофеич — лысый здоровенный мужик, немного наивный и очень добрый.

Однажды в тупик загнали вагоны с соляжкой, они протекли, и налилось огромное озеро. Цистерны выгнали и подали вагоны под загрузку картошки.

Пришел Тимофеич, разбухтелся:

– Дак она ж у нас сейчас вся провоняет, никакие нанайцы ее есть не станут! Надо как-то все почистить!

– А как чистить-то, Тимофеич?

Он вдруг встрепенулся.

– О, я придумал!

Взял большую палку, намотал на нее кусок пакли, ткнул в солярку и принялся поджигать.

– Э-э! Тимофеич, давай подумаем!

– Какой на хуй думать! Поджигать надо!

Мы еле успели отбежать. Пламя с диким уханьем помчалось вдаль в сторону весовой. Тимофеич опалил усы и брови. Повалил черный дым. Сгорело несколько вагонов. Прилетели пожарные вертолеты. В общем, было прикольно.

Когда уже все закончилось, Тимофеич, весь чумазый, без бровей, подошел ко мне и осторожно спросил:

– Что, Женька, вроде бы получилось?

Я его успокоил:

– Ништяк, Тимофеич, получилось!

Грузились мы после с запасного пути. Но я не об этом...

У нас в бригаде был парень. По национальности кабардинец, звали его Ислам. Он нашел в полях дикорастущую коноплю, насобирал, высушил в отряде на колорифере. Приготовил «план». Всех угостил. А я не курил никогда, не то, что это говно, а просто не курил. И я даже не понял, что произошло. На моих глазах хорошие парни, мои товарищи, за которых я отвечал, за которых я переживал, превратились в банду дебилов.

Представьте, работаем двое внизу в вагоне, двое вверх на кузове. Мешки разные. Кто в колхозах ездил, знает. Бывает от пятидесяти до ста килограммов. Дима со мной на кузове берет мешок и начинает дико хохотать. Прохохотавшись, ставит мешок на своего хохочущего друга Юру, которого этим мешком напрочь придавливает. В это время Игорь с философского падает с вагона и разбивает очки. Вся бригада разбредается по полям. С трудом собираю, приезжаем в отряд. Вся банда врывается в столовую и съедает все. А потом вытаскивают клубные колонки на середину зала, включают музыку на всю мощь, садятся между колонками и прутся. А рядом с Зюрзей была «запретка» с пулеметными вышками, какое-то хранилище. И там росли дивные цветы. Два друга Генка и Толик, оба воевавшие, намылились за цветами.

– Э, вы куда? Там часовые! — кричу им вслед.

– Вадимыч, не ссы. Они зажавшиеся, мы их легко снимем.

Короче, полное моральное разложение. Я просто такого никогда не видел. Не курили мы с Саней, будущим фээсбэшником, еще четверо парней и мой друг чеченец Усам. Усам — одиннадцатый ребенок в семье, чемпион Чечено-Ингушетии по боксу, немногословный, работал очень честно, на износ, хотя за нами никто не следил и не проверял. Он смотрел на всю ситуацию со стороны, не скрывая презрения. Наблюдая мои отчаянные попытки привести всех в чувство и наладить нормальную работу, сказал брезгливо:

– Смотри, только что были люди — стали животные.

В конце концов все устаканилось. Мы собрались на мой день рождения, выпили, обо всем поговорили и нормально доработали до конца. Получили по шестьсот рублей, чему все приятно удивились. Меньше получил только философ Игорь, потому как был халявщиком.

С тех пор прошло много лет. Ислам спился и пропал. Усам исчез в начале 90-х, и больше я его не встречал. Боюсь, что сгинул где-то в Чечне. Толик стал знатным милиционером. Уверен, что честным. Дима — известный журналист. Кирилл — тоже. Саня живет в Москве. Кого-то уже нет в живых. Это мои товарищи. Я их люблю и вспоминаю.

Зависть

Поехали мы как-то с Дюшей разговаривать к старшеклассникам в школу. Ребята хорошие оказались. Поговорили. Выходим на крыльцо.

– Жека, ты в какой школе учился?
– Имени Володи Дубинина.
– А что он сделал?
– Он был пионер-герой.
– А я,— гордо говорит Дюша,— учился в школе имени Героя Советского Союза Феофанова!

– А кто такой Феофанов?

Он посмотрел на меня как на больного:

– Ты что, не знаешь? Феофанова не знаешь?! Не придуривайся! Феофанова все знают!
– Я вправду не знаю. А что он сделал-то?
– Феофанов сбил два фашистских самолета!
– Это круто, но много кто сбил два фашистских самолета.
– Чудак, он их сбил из противотанкового ружья!
– Подожди. Так ему дали противотанковое ружье, чтобы он по танкам стрелял!
– Правильно,— говорит Дюша.— Он сначала расстрелял все танки, которые увидел, а кончились танки, сбил два самолета! А погиб он уже потом, в конце войны.

– Вот это да! Вот это я понимаю. Дал Феофанов фрицам оторваться! Уел ты меня. В хорошей ты школе учился!

– А у нас в школе его мама работала,— вспомнил Дюша.— Она была учительницей начальных классов — Фаина Ивановна. Ее все любили. Она собирала по всей Широкой речке бездомных собак и кошек и тратила на них всю пенсию. Одна жила...

И вдруг я понял, что завидую Феофанову. Вот бы мне так!.. А до этого я завидовал только одному человеку. Есть один армянин. Многократный чемпион Мира, Европы и СССР по подводному плаванию. Он увидел, как с моста в водохранилище упал троллейбус с людьми и сразу же погрузился на глубину. Этот парень нырял в ледяную воду, вытаскивая из троллейбуса людей. Двадцать человек достал. Спасти их мог только он. Это был единственный человек, который мог спасти этих людей, и именно он оказался там на берегу. Я рассказываю об этом, а у меня пупырышки по рукам... Представляете, как я ему завидую!.. А потом этот парень вытащил человека из огня. До этого он, разбив стекло и запрыгнув в кабину, сумел остановить автобус, который катился в пропасть. В автобусе находилась вся сборная Армении. Зовут его Шаварш Карапетян. Скромный. Работает сапожником. Скажите, как этому человеку не завидовать?

Вот Александру Матросову я не завидую... Хотя безмерно уважаю.

Штурман

Представляю, как штурман себя чувствует рядом с пилотом. Не завидую нисколько. Как-то раз показали мне пару поворотов на сухом асфальте. Вижу: водитель понимает, что делает, все контролирует, но все равно страшно.

Я-то своего штурмана пару раз чуть не угробил. Один раз, на этапе чемпионата России, мы опаздывали на финиш. Вова сидел и смотрел в легенду, а за дорогой не следил. Меня вынесло и Вовиным боком ударило о дерево. Вова был не пристегнут. Дверь вмяло, а Вова просто пересел ко мне на колени и хоть бы фиг. Даже очки не потерял. А сколько мы с ним опрокидывались, и он каждый раз умудрялся упасть на меня, а не наоборот. Но своего штурмана я все-таки берег.

Один раз напугал он меня до смерти. На многодневке «Урал-Трофи» выдался скоростной этап. Раздельный старт. Ушел Стихин, ушел Вадик Макаров, перед нами стартует экипаж Иванова-Сарсадского... Мы ехали не здорово и нам, чтобы куда-то в призы залезть, надо этап выигрывать. Вова настроился, пристегнулся и поправил очки. Держит легенду и громким голо-

сом командует. Мы с ним и вваливаем. Скорость приличная, колеи, колбасит будь здоров! От ремней потом синяки остаются. Увидели впереди машину. Кажется, вот-вот догоним. И вдруг она исчезает. Вова поворачивается ко мне и истошным голосом орет:

– ПОРВУ!!!

Я перепугался, понял, что еду не туда. Такой тихий Вова и таким грозным голосом...

А он смотрит на меня бешеными глазами и орет снова:

– ПОРВУ!!! Я сказал, ПОРВУ!!!

«Вот ведь и вправду порвет», — подумал я, испугался, голову в плечи втянул.

– Сворачивай в ров, не вписываемся!!!

Вдоль насыпи широченный ров — еле попал в него.

– Что орешь, Вова, так бы сразу и сказал. А то порву, порву...

Вадика Макарова мы догнали, он стоял: двигатель перегрел.

Шлем всему голова

Еду по Москве. Ремень не пристегнут. Все время мигает лампочка и противно плачет. Пытаюсь ремень куда-нибудь приспособить, нервы-то не железные. Пробую завести его за сиденье свободной рукой и воткнуть в гнездо. Для этого приходится освободить вторую руку и отпустить руль. Не получилось. Проехал почти на красный. Опасно. Пытаюсь просто его продернуть за спиной. Вытаскиваю его левой, за спиной перехватываюсь правой, опять отпускаю руль и проезжаю свой поворот. В конце концов мне это надоело и я просто пристегнулся...

У нас было закрытие сезона. Супер-триал, скоростной и достаточно сложный. Я тогда ездил на УАЗике. Это был хороший УАЗик. Стою на старте. Надеваю шлем. Застегиваю. Рядом готовится Андрей Павлов.

– А зачем ты шлем надеваешь? — поинтересовался Андрей.

– Все, успокойся, я знаю зачем.

Он снова:

– Не понимаю, зачем шлем?

А мне минута до старта, я уже настраиваюсь.

– Отвяжись, потом объясню.

Пристегиваюсь.

– А ремень-то тебе зачем?

– Уйди отсюда. А то я тебя задавлю.

Стартовал. С места полуметровая каменная ступенька. Со старта подняться не сумел. Получилось с третьей попытки. Разозлился, поехал быстрее и перевернулся. Не просто так, а через капот. Вишу вниз головой. Крышу вдавило. Весь спендикрюченный. Вокруг одни ботинки и сапоги. «Дядя Женя без наркотиков!.. Убился!!!» — услышал я радостные детские вопли. Вот, думаю, деток порадовал.

Бензин потек. Куча народу с сигаретами вокруг. Я отстегнуться не могу. Еле выбрался. Тошнит. Машину поставили на колеса. Саня Ляной запрыгнул на капот, пытается приподнять вдавленную крышу. Я уже наездился и никуда больше не собирался. А тут Леха Дудоров подскочил:

– Ты куда? Давай, садись обратно.

Поехал дальше. И вроде бы все нормально. На середине, по склону гребня, полз аккуратно. Штурман отвешивал до последнего. Потом прыгнул и покатился. Даже не помню, сколько оборотов сделал, и до сих пор не знаю, как оказался на колесах. Ни одного стекла не осталось. Еле финишировал.

– Ну, что,— говорю Андрюхе,— понял, зачем шлем нужен? Понял, зачем пристегиваться надо?

– Понял, я бы еще крышу поролоном проложил...

Фигня делов!

МИД Украины уполномочен заявить,

что единственной причиной участия

1-го Украинского флота в маневрах НАТО

явился семибальный шторм.

В конце апреля 99-го года мы с Андрюхой Павловым приехали на порог Ревун. Исеть уже вскрылась, и воды было много. Мы спустились со скал. Близко подходить было страшно.

– Почему так называется — Ревун? — спрашивает Андрюха.

– Говори громче, я не слышу.

– Почему Ревун? – кричит он.

– Не понял, повтори.

– Все, не надо, я сам догадался, – обрадовался Андрюха.

– Молодец!

– Что ты сказал?..

Поднялись на скалы оглохшие, смотрим сверху. Вода идет с ревом, сплошным бурым потоком. Пороги все в белой пене, висит водяная пыль.

– Вот бы сплыть,— говорю осторожно.

– Не, я не горазд,— отвечает Андрюха.

– Пойдем, дальше посмотрим.

Ушли выше по течению. Взяли какое-то толстое бревно, бросили в воду и побежали бегом на скалы. Бревно крутило, как городошную битую в полете. Потом его прибило на левую сторону под скалы, оно встало торчком и исчезло. Смотрели долго — оно больше нигде не выплыло. «Ой-еей»,— подумали мы. Сплыть захотелось еще больше.

Я Андрюхе говорю:

– Ну, что? Может, попробуем?

– Нет-нет-нет, не попробуем, не попробуем!!!

Мы, озадаченные, поехали в город. Едем, молчим, репу чешем.

Решил я посоветоваться с отцом.

– Пап, как ты думаешь, реально Ревун пройти?

– Кому?

– Мне.

– Когда?

– Сейчас, в это время.

– Вообще-то, все, когда сплавляются, Ревун обносят по берегу. А в это время там, наверное, пятая категория сложности. На чем ты хочешь?

– Есть у нас лодочка, «Хантер», надувная.

– Так себе лодочка. Клизма американская. У Деда Мазая лучше была.

– Чужую лодку каждый охотит норovit...

– Видел там, на берегу, могилы и крест?

– Видел. Так они, наверное, пьяные были.

– Правильно. Кто туда трезвый-то полезет...

Вижу, заволновался отец.

– Так у вас опыта нет никакого.

– Так в этом-то весь и смысл!

В следующие выходные мы с Андрюхой, с моим отцом и Саней сплавились по Режу: от Колташей до города Режа. Андрюха греб с носа, я с кормы. Потихонечку приспособились. Потом Андрюха выпал с лодки в ледяную воду. Вылез на островок, решил проверить зажигалку: работает ли она после того, как побывала в воде. Загорелась сухая трава. Через пару минут весь островок был в огне. Мы еле спасли лодки. Гребли оттуда изо всей силы, ругая незадачливого Андрюху. Над нами кружил пожарный вертолет.

У Режа река была подпружена. Мы двадцать километров гребли по стоячей воде на резиновых лодках против ветра. Наконец, загрузили лодки в багажник, выпили водки.

– Все, кажется, я горазд сплыть по Ревуну, — неожиданно заявил Андрюха.

В этот самый момент я понял, что я-то не горазд, но отступить было уже некуда...

Девятого мая за мной заехали Андрюха с Ленкой на Сашином джипе. Это был тот самый знаменитый джип, который прошел два «Урал-Трофи», но тогда он был еще новый. В багажнике лежала лодка. Сам Саша почему-то не поехал.

Прибыли на Исеть, там какие-то соревнования. Штук сто палаток, спортсмены-водники со всего Урала, катамараны сушатся. Какие-то ребята наверху, на скалах.

– Почему не ходите? — интересуюсь я.

– В Двуреченске плотину открыли, вода большая идет.

На самом нижнем пороге тренируются. Уже со спокойного места, из тихой гавани, на катамаранах-двойках поднимаются на один порог вверх и скатываются обратно — технику отработывают.

Мы достали лодочку. Накачали ее до звону. К нам подошел какой-то водник, мастер спорта из Перми, бородатый, в потрепанной штормовке и драных кедах.

– Чего задумали?

Осторожно его спрашиваем:

– Как ты думаешь, реально Ревун пройти?

Посмотрел на нашу лодочку недоверчиво:

– На этом-то корыте?

– Да нет, мы просто так спрашиваем, теоретически.

– Ну-ну.

Я — Андрюхе:

– Хрена ли мы здесь с тобою в лягушатнике будем плавать? Поехали, пообедем скалы, уйдем выше по течению и там попробуем.

Закинули лодку на багажник, посадили Ленку за руль, сами встали на подножки, держим лодку, поехали к мосту у деревни Смолино. Только начали подниматься на гору, слышим крики: «Стойте, стойте!»

Остановились. Бежит за нами бородатый, кедами хлюпает.

– Парни, идите по правой стороне, прижимайтесь как можно сильнее к правому берегу.

– Почему?

– А так у вас хоть какой-то будет шанс в живых остаться. Если потащит влево, из-под скал не выйти. Там посередине островок, его сейчас не видно, только ивы торчат. Если что, цепляйтесь за ивы, вас потом вертолетом снимут...

Выше по течению было уже не так страшно. У нас было три весла.

Андрюха мне заявляет:

– На фиг нам третье весло? Давай на берегу оставим.

– Как на фиг! Давай, клади в лодку.

Надеваю жилет спасательный.

– А жилет-то на фиг? — не унимается Андрюха.

– Слышишь, ты, умник, я-то, в отличие от тебя, хотя бы плавать умею.

Спустили лодочку на воду – течение очень сильное. Ленка села за руль.

– Давай пересечем наискосок к правому берегу, уйдем прямо к той стене, проскребемся вдоль берега до первого порога. Остановимся и посмотрим,— предложил я.

Состоялось. Пошли. Он греб с левого борта, а я с правого. Он встал на баллон коленом, а вторую ногу засунул под правый баллон, расперся. Я встал точно также и, на всякий случай, зацепился ногой за леер. Оттолкнулись. Подхватило сразу. Мы даже не ожидали. Стали выгребать против течения, сломали весло. Андрюха сразу схватил запасное.

Кричу ему:

– Обломки выкини.

Он отвечает:

– Не-не, пусть будут.

С огромным трудом выгребли к противоположному берегу. Чуть-чуть успокоились. Я ему говорю:

– Немного ниже уйдем, там пристанем.

С левой стороны от нас, чуть ниже по течению, торчал огромный валун.

– Давай обойдем его слева и там уже пристанем. Осмотримся.

– Давай,— согласился он.

Выгребаем снова к середине, гребем изо всей силы, огибаем камень и пытаемся уйти вправо к берегу. Весла гнутся, ничего не получается. Нас несет и втягивает в какую-то гигантскую воронку между камнями. Впереди стоит сплошной рев. Андрюха поворачивается ко мне и орет истошным голосом:

– Женя! Все, все! Гребь, гребь! Поплыли!

Сам вижу, что поплыли. Страх кончился. Нас несло на огромный валун, который делил поток на две части. Сделать уже ничего не могли. Прошли над ним, раздался треск. Сразу за камнем мы упали. Удар был очень сильный. Справа и слева от нас стояли водяные стены метра по два высотой. Полная лодка воды. Нас развернуло, я оказался на носу, потерял Андрюху из виду. Понял, что он выпал из лодки и утонул, но жалости в тот момент у меня не было. Надвигался еще один порог. Лодку бросало и колбасило, она вставала торчком.

Я греб из последних сил, причем схватился под самую лопасть, чтобы не сломать весло. Лодку снова развернуло, я даже не удивился, увидев Андрюху впереди. Рев стоял немилосердный, нас уносило влево, под скалы, туда, где из воды торчал большой крест. Мы оба все понимали. Гребли слаженно, пытаюсь уйти вправо. Наконец нам это удалось.

Почти подошли к берегу, Андрюха прыгнул, чтобы уцепиться за кусты и упал в воду. Но за берег все же зацепились, вылили из лодки воду. Перед нами оставался только один порог. Мы подняли головы, все скалы были облеплены людьми. Все смотрели на нас. Мы спокойно сели в дырявую лодку и прошли этот порог по диагонали справа налево.

Спустившись, сидели в лодке в полной тишине, опустив весла, пока нас не вынесло на мель. Пульс у меня был за двести. Тихонечко подкатились к берегу, оглохшие и очумевшие. К нам неслись люди.

Первым подбежал бородатый водник.

– Парни! — закричал он. — А ведь такого здесь еще никто не видел!

Люди выстроились в очередь, чтобы пожать нам руки. Клянусь, не преувеличиваю.

– Колбасило же вас! Мы думали, не вынесет.

Я обиделся:

– При чем тут вынесет — не вынесет? Мы сами выгребли.

Посмотрел на весла, а они стали как коромысла. Мы были счастливы. Тут с горы спустилась Ленка.

– Ты видела!? — спрашивает ее Андрюха.

– Что?

– Да ничего...

– Не переживай, Андрюха, зато все остальные девушки видели, — успокоил его я.

Мы достали бутылку виски.

– Ну что, за Победу! С Праздником!

Пожали мы друг другу руки и засадили ее из горлышка. Лодочку сдули, засунули в багажник, Ленку посадили снова за руль, поехали в город. Только заехали в зону досягаемости, позвонил отцу.

– Папа, мы прошли!

Он сначала даже не поверил. Потом обзвонил всех своих знакомых, нахвастался. Мне давай все звонить, спрашивать подробности, поздравлять. Нам с Андрюхой гордо, нас распирает.

Через неделю поехали на Ревун снова. Встретили знаменитого путешественника Вову с голубоглазой собачкой хаски. Говорим ему так вежливо, с почтением:

– Здравствуйте. Как думаете, можно ли по Ревуну сплыть на резиновой лодочке?

А он отвечает:

– Фигня делов! Тут в прошлые выходные два идиота сплыли.

Сам ты идиот, полярник сраный. Сам бы попробовал. Это тебе не на собачках к Северному полюсу.

Истории о кладях

Окольные российские жители, ищущие закопанных в земле пожитков, везде глубокие ямы покопали, из которых некоторые недаром трудились.

Г.Ф. Миллер. История Сибири

Клад, конечно, найти хотелось бы. Эта мысль меня не покидает уже много лет. Искание кладов — это наш русский национальный вид спорта. Мало того, временами в народе наблюдалась по этому поводу целая истерия. Всегда это происходило после первой богатой находки. В свое время, в IX веке, скандинавы разграбили капище где-то на северо-восточном побережье оконечности Руси и увидели такое количество сокровищ, что блеск этот стоял у них в глазах вплоть до XX века. Всем встречным и поперечным рассказывали они о несметных сокровищах Биармии, и думать ни о чем другом уже больше не могли.

Алчные новгородцы постоянно снаряжали в северное Приуралье походы, целью которых было закамское серебро. Имели через это много неприятностей. Продвижение на север алчных новгородцев сумели остановить идейные москвичи. Это еще раз показало, что идея, как движитель, сильнее жажды наживы. Идея заключалась в подчинении, централизации и, конечно же, личном обогащении.

В находках, сделанных в Приуралье, огромное множество великолепного сасанидского серебра — монеты, чаши, блюда, древние скандинавские вещи, монеты и утварь из Средней Азии, арабские предметы, монеты и чаши Византии и многое другое. Что касается сасанидского серебра, Эрмитаж в несколько раз богаче всех музеев мира вместе взятых. Все эти древние страны торговали с предками современных коми и вогулов, и сокровища были получены последними в обмен на пушнину. Несмотря на то что с этими народами уже с XI века имели

контакт новгородцы, никогда никаких ценностей новгородского происхождения в кладах и захоронениях обнаружено не было. Говорит это только о том, что новгородские отряды ходили сюда не торговать.

Когда-то все эти богатства лежали на поверхности. Серебро использовалось в погребальных обрядах, иногда из него делали местные нехитрые украшения — мониста, например. Присутствовало оно и в местных святилищах, украшало идолов, но подробно рассказать об этом мы ничего не можем, так как все давно разграблено. В 1919 году в Сибири на такое святилище натолкнулся отряд красноармейцев — куда делось серебро, никто не знает.

После того как в 70-х годах в Свердловске в утильсырье были обнаружены два огромных слитка золота, принятых как латунь, в городе среди особо продвинутых начались робкие поползновения к частному кладоискательству. Один участковый своими руками собрал миноискатель и в сопровождении ватаги ребяташек ходил по дворам в районе улиц Урицкого, Володарского, Февральской революции. При обследовании одной кирпичной стены миноискатель сработал. «Здесь!» — решительно сказал участковый. Несмотря на робкие протесты жильцов, добровольные помощники с кирками и ломami бросились крушить стену. Через час из-под обломков и кирпичной пыли торжественно показался торец железного перекрытия. Участкового разжаловали. А если бы нашел клад, наверное, повысили бы.

Только у нас кладоискательство существовало как народный промысел, оно даже было ограничено законом. В Западной Сибири, в Тобольске появился даже термин — «бугрование». В XVIII и XIX веках в том же Тобольске и в окрестных селах этим занималось все население, вплоть до городских чиновников. По Тоболу, Иртышу, верхнему течению Оби раскапывались захоронения, которые в народе назывались чудскими могильниками. У нас такими раскопками грешили крестьяне Камышловской слободы, и власти пытались запретить им «бугровать» особым указом. Пик кладоискательства в Зауралье пришелся на XVIII — середину XIX веков. Приуралье было разграблено значительно раньше.

Существовала легенда о древнем народе — чуди, который с приходом русских, чтобы не принимать крещение, ушел внутрь земли и завалил все входы, похоронив себя заживо вместе со своими сокровищами. Легенда, на первый взгляд, кажется дикой, хотя, на самом деле, нет ничего удивительного. В XVII веке да и в начале XVIII уральские и сибирские старообрядцы за право креститься двумя пальцами, а не тремя и возможность пользоваться старыми (неисправленными) богослужебными книгами, заживо сжигали себя вместе с женами и детьми в деревянных церквях. Причем делали это массово, а в особо удачных случаях умудрялись затащить в огонь кого-нибудь из зазевавшихся солдат. Так что ничего удивительного. Все народы, жившие охотой, при приближении колонизаторов, стремительно откатывались на восток и северо-восток. Долгие годы на Урале бытовала пословица: «Бежит, как вогул от русского». Кроме того, легенда об ушедшей в землю чуди имеет еще одну подпитку: и в Прикамье, и в Приуралье, и на Урале пришедшие колонизаторы видели старые заброшенные горные выработки с обрушившимися крепями. Именно обнаружение старых горных выработок в районе современного Гумешкинского рудника дало толчок легенде о «старых людях», ушедших в гору.

Еще один штрих зарождения легенды о похоронившей себя чуди — в захоронениях. Над погребенными зачастую делали бревенчатый настил, который держался на опорных столбах. И только после этого насыпали курган. Расхитители древних курганов часто наталкивались на такую обрушившуюся крепь и на провалившиеся внутрь курганы. Местные аборигены — и коми и пермяки — до сих пор в разговорах называют тот далекий народ «старыми людьми» или «чудью». Хотя сам термин «чудь» принесли в эти края русские в XVI веке.

Летом 2005 года в коми-пермяцкой деревне Пармайлово мне довелось разговаривать с местным жителем:

— Что, копают?

Тот мечтательно задумался:

— Ой, копают. Прошлым летом приезжал один с Ижевска с миноискателем. Мы с ним все поля облазили.

— Нашли что-нибудь?

— Нашли, — вздохнул. — Подкову нашли. Да чего так-то, могильники надо искать. И мечтательно замолчал.

Кладоискательская лихорадка никогда ни до чего доброго не доводила. Однажды в Сибири произошла показательная история. В народе существовала легенда о сокровищах князя Гагарина. В 1883 году среди сибирских кладоискателей вдруг распространилось мнение, что князь, возвращаясь из Тобольска в Петербург, зарыл свои сокровища в одном древнем городке, недалеко от татарской деревни Мулаши, по правому берегу реки Пышмы. Кладоискатели принялись разрывать неповинный городок. Немного позднее один тюменский купец ради тех же воображаемых сокровищ разнес, можно сказать, городок до основания и испортил лежащие близ него высочайшие курганы, не найдя, разумеется, ничего.

Другая история. Граф А.С. Уваров, производя свои разыскания в мерянской земле в 1851 — 1854 годах, разрыл 7729 курганов! Так называемые раскопки, которые правильнее было бы назвать разорением древних могил, производились очень спешно, при ежедневной наличности от ста до двухсот рабочих. О строгом наблюдении и регистрации находок не могло быть и речи — за день вскрывалось до восьмидесяти курганов. В результате многие группы курганов снесены без остатка, восстановить картины погребений нет никакой возможности. В довершение всего несколько сот человеческих черепов, отправленных Уваровым в Академию Наук для антропологических исследований, куда-то исчезли.

Если в Сибири и Зауралье еще в недалеком прошлом поиски курганов и могильников были народным промыслом — крестьяне сбивались в ватаги по сто и более человек — то в Приуралье целенаправленные поиски никогда ни к чему не приводили. Все клады были найдены случайно. Все сокровища из земли «выпахивались», или их находили при корчевке пней. Но всегда, повторим, совершенно случайно.

В свое время Строгановы в своих вотчинах скупали все сколько-то значимые находки. В конце концов это легло в основу собрания Эрмитажа (не менее серьезное собрание было у соликамского купца Алины — сгорело, к несчастью). Вещи, выпавшие и найденные при корчевке, ускользнувшие от глаз управителей, а позднее — краеведов, прочно входили в быт крестьянина, нашедшего их, и использовались очень разумно. Иногда с оттенком презрения к ценности металла. Например, с огромного великолепного блюда с портретом сасанидского царя Шапура II крестьянин со всей своей родней кушал пельмени. А другое блюдо — со сценой охоты на львов — использовалось как кормушка для курей.

Кстати, о случайных находках. Однажды к нам в музей привезли обоюдоострый скифский кинжал — акинак. Он был в идеальном состоянии, мало того, на клинке с обеих сторон по какой-то древней технологии травлением были нанесены великолепные рисунки в зверином стиле. Кинжал этот был выпаван в 70-е годы в окрестностях Кургана, и местный тракторист воткнул его в дверной косяк в своей избе. Нам его привез один курганский собиратель, ныне покойный. Когда взял его в руки, у меня дыхание перехватило: я понял, что держу в руках. Мы стиснув зубы переуступили этот кинжал А.И. Павлову — страстному собирателю оружия. Но на всякий случай сообщили о находке в Эрмитаж. К нам приезжали специалисты и фотографы, ахали, охали, хлопали себя по ляжкам. Оказалось, что этот кинжал принадлежал воину-скифу V — VI веков до н.э. и по сохранности и уровню исполнения является едва ли не единственным в мире.

Самые богатые по находкам — территории нынешней Пермской области. Найдены здесь бывали практически в каждой деревне, но еще раз повторим — только случайно. Не известно ни одного случая, когда целенаправленные поиски приводили к нахождению сокровищ. Каж-

дая подобная находка сподвигает местное население к активизации поисков. Иногда это делается в извращенной форме. Например, в богатом селе Губдоре, близ Чердыни, совершенно случайно несколько раз выпахивались несметные сокровища. Уже в настоящее время под впечатлением, видимо, какие-то дебилы в поисках древних могильников выкорчевали древнюю липу за алтарной частью церкви, где хоронили священников и самых уважаемых жителей. Естественно, ничего не нашли.

Совершенно отдельное кладоискательское направление — это поиски мифических сокровищ знаменитых атаманов и разбойников. У нас в районе Красноуфимска всегда искали сокровища Пугачева, а в Сибири, по Оби, Тоболу и Иртышу, разыскивают сокровища Ермака, причем даже в тех местах, куда Ермак и не забредал. Но это уже отдельная история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.